

Редакционный совет серии:

Й. Баберовски (*Jörg Baberowski*),
Л. Виола (*Lynn Viola*),
А. Грациози (*Andrea Graziosi*),
А. А. Дроздов,
Э. Каррер д'Анкокс (*Hélène Carrère d'Encausse*),
В. П. Лукин,
С. В. Мироненко,
Ю. С. Пивоваров,
А. Б. Рогинский,
Р. Сервис (*Robert Service*),
Л. Самуэльсон (*Lennart Samuelson*),
А. К. Сорокин,
Ш. Фицпатрик (*Sheila Fitzpatrick*),
О. В. Хлевнюк

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО
И ОБЩЕСТВО В ПЕРИОД
ПОЗДНЕГО СТАЛИНИЗМА

1945–1953 гг.

МАТЕРИАЛЫ
VII МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ТВЕРЬ, 4–6 ДЕКАБРЯ 2014 Г.

ЕЛЬЦИН
ЦЕНТР

РОССПЭН
Москва
2015

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)631
С56

Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 г. : Материалы VII международной научной конференции. Тверь, 4–6 декабря 2014 г. – М. : Политическая энциклопедия; Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2015. – 719 с. : ил. – (История сталинизма. Дебаты).

ISBN 978-5-8243-1973-6

Седьмая конференция из цикла «История сталинизма» посвящена проблемам позднего сталинизма, особого этапа в истории советского государства и общества – от победы в Великой Отечественной войне до смерти Сталина. Этот период был отмечен взаимодействием ряда противоречивых тенденций. Одни из них демонстрировали апогей сталинской системы. Другие – складывание предпосылок для ее трансформации в несталинскую авторитарную модель советского социализма. К числу первых относились усиление личной власти Сталина; проведение масштабных идеологических и репрессивных кампаний; экспансия ГУЛАГа; консервативная социально-экономическая политика. К числу вторых – реформистские ожидания советского общества, порожденные победой; кризисные явления в экономике, вызванные, прежде всего, стагнацией сельского хозяйства и социальной сферы; дестабилизация ГУЛАГа.

В конференции приняли участие специалисты из Австралии, Армении, Беларуси, Германии, Италии, Казахстана, Кыргызстана, Литвы, России, США, Украины, Франции и др.

Издание адресовано научным работникам, всем интересующимся социальной и политической историей России.

*Конференция состоялась и настоящее издание подготовлено
благодаря финансовой поддержке
Президентского центра Б. Н. Ельцина*

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)631

ISBN 978-5-8243-1973-6

© Коллектив авторов, 2015
© Политическая энциклопедия, 2015

Р. Ченайтене

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В СТАЛИНСКОЙ ЛИТВЕ: МЕЖДУ «СОВЕТСКИМ» И «НАЦИОНАЛЬНЫМ»

Доярка – депутат Верховного совета СССР – возвращается с сессии в Москве. Родные ее спрашивают: «Ну, как все прошло, какие новые указания партии и правительства?» – «Да все по-прежнему. Вот, только все кричали, что отныне Пасха будет праздноваться осенью»¹.

(Анекдот сталинской эпохи)

В современной литовской историографии эпоха сталинизма в основном все еще исследуется через призму оккупации, делая акцент на *hard* советизации – терроре, репрессиях, ссылках и, особенно, на радикальной социоэкономической трансформации послевоенного литовского общества. Эти тенденции заметны и в пока единственном синтезе истории советского периода². Тем временем основные аспекты *soft* советизации или сталинской культурной политики (т. е. так называемый духовный геноцид) остаются изучены лишь частично³. Поэтому в данной статье я попытаюсь больше внимания уделить вопросам, связанным с легитимацией нового режима в глазах местного населения и, особенно, «переинтерпретации» литовской истории в свете коммунистической идеологии. Каково было соотношение «советского» и «национального» в новой культурной политике⁴ и как ее

¹ Игра слов: лозунг «Да здравствует великая Родина!» звучит похоже на литовское «Velykos rudenį» (Пасха осенью).

² Lietuva 1940–1990. Okupuotos Lietuvos istorija. [Литва в 1940–1990 гг. История оккупированной Литвы]. Vilnius, LGGRTC, 2005.

³ О нынешнем состоянии литовской историографии, исследующей советский период, см.: Ченайтене Р. Восприятие советской эпохи в современной Литве // Прошлый век 1: Сб. науч. тр. (редкол.: А. И. Миллер гл. ред., и др.). М., 2013. С. 241–276.

⁴ К решению проблем, связанных со сферой культурной политики, приступили сразу же после изгнания немецких войск с территории республики. См.: Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О мерах помощи Литовской ССР в деле улучшения масово-политической и культурно-просветительной работы» 01.11.1944 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 460. Л. 8–11. Источник опубликован: Таниберг Т. Политика Москвы

воспринимали приезжие представители властей и литовские коммунисты и интеллигенты? Делала ли новая власть какие-либо уступки местным в этой сфере, особенно относительно важной ее составляющей – политики памяти? И наоборот, какие сюжеты, события, личности, места и объекты истории Литвы стали использоваться для нужд советской идеологии, зачем и почему именно они были выбраны, и помогло ли это целям индоктринации литовского общества?

«Переинтерпретация» истории Литвы в свете советской идеологии

Отношение к СССР в межвоенной Литовской республике, особенно в последние мирные годы, было в основном позитивным⁵. Геополитическая ситуация того времени не оставляла литовской политической элите и общественности выбора – Польша воспринималась как заклятый враг, в 1920 г. захвативший историческую столицу Литвы Вильнюс и окружающие территории, а Германия, после прихода к власти нацистов, становилась все более агрессивной и в 1938 г. отобрала у Литвы Клайпедский край. Таким образом, накануне войны из крупных соседних государств только СССР виделась Литве другом и партнером, что она как бы и подтвердила, после передела Польши 10 октября 1939 г. возвратив Литве Вильнюс и Вильнюсский край. Вновь приобретенная столица вскоре станет своеобразным «Троянским конем», при помощи которого Советский Союз на территорию Литвы введет свои войска (в народе эти события сразу были осознаны и выражены в виде известного слогана: *Vilnius mūsų, o mes rusų*; рус. *Вильнюс – наш, а мы стали принадлежать русским*). А через год, 15 июня 1940 г., последовала и первая советская оккупация, протянувшаяся до июня 1941 г., когда страну захватили нацистские войска.

Сам факт оккупации и насильственной инкорпорации независимой Литовской республики в состав СССР на протяжении всего советского периода всячески скрывался и затушевывался официальным нарративом о «братской помощи Красной армии при возврате исторической столицы», «спонтанно в Литве возникшей социалистической революции», которой удалось свергнуть авторитарный режим президента А. Сметоны, действительно тогда имевшего мало сторон-

в республиках Балтии в послевоенные годы (1944–1956): Исследования и документы. М.: РОССПЭН, 2010. С. 207–210.

⁵ См. подробнее: Каспаравичюс А., Лауринавичюс Ч. Рецепция России / Советского союза в межвоенной Литве // Образ Другого. Страны Балтии и Советский Союз перед Второй мировой войной. М.: РОССПЭН, 2012. С. 212–136.

ников, и, особенно, тезисом о «добровольном вступлении Балтийских стран в дружественную советскую семью». Таким образом, марксистская лексика, использующая миф о «революционном положении 1940 г., возникшем в результате обострившейся классовой борьбы», не только позволила ввести в заблуждение массы граждан, которые не понимали, что же на самом деле происходит, но и делегитимировать бывший политический строй, как и сам литовский суверенитет, а после войны – и людей, которые боролись за его восстановление, окрестив их «буржуазными националистами» или просто «бандитами» (имеется в виду наиболее массовое, организованное и кровавое антисоветское вооруженное сопротивление из всех, которые спонтанно возникали на вновь приобретенных территориях СССР, продолжавшихся с 1944 по 1954 г. Официальный советский нарратив его однозначно интерпретировал как «братоубийственную гражданскую войну», жестко борясь с альтернативными версиями интерпретации страшных послевоенных лет⁶).

Утвердившаяся официальная версия событий 1939–1940 гг., использующая смысловой и терминологический арсенал из мировоззрения сталинизма, позднее стала фундаментом для интерпретации и легитимации смены политического режима и государственного строя Литвы, превращенной в одну из тогдашних 16 союзных республик советской империи, и сохранилась непоколебимой до самого распада СССР. Как и в других случаях «на местах», создаваемой советской версии национальной истории союзных республик в Литве тоже были нужны исторические прецеденты и доказательства якобы органического склонения литовского народа к идеям социализма. Таким прецедентом, прежде всего, стал эпизод существования Литовско-Белорусской советской социалистической республики или, в сокращении, Литбела, которая в действительности просуществовала короткий исторический промежуток – с 1918 по 1919 г., но этот факт послужил основой для тезиса о «восстановлении советской власти» в Литве в 1940 г. Важно заметить, что на основе этого мифа, как и на выдвинутых и широко распространяемых фактах о преследовании литовских коммунистов-подпольщиков межвоенным авторитарным режимом, в глазах местного населения свою легитимацию будет строить и литовская советская номенклатура, представители которой не хотели в народе быть воспринятыми лишь как ставленники оккупационных властей, послушно исполняющие приказы завоевателей,

⁶ Этой интерпретации придерживается и, наверное, самый известный литовский фильм советского времени – «Никто не хотел умирать» режиссера Витаутаса Жалаквичюса, 1965 г.

взамен на привилегии и ограниченную власть⁷. Хотя практики увековечивания памяти представителей «национальной социалистической традиции», включая и литовских коммунистов, проживавших в довоенном СССР и погибших во время сталинских репрессий (таких как, например, командарм Иеронимас Уборевичюс или комкор Витаутас Путна, расстрелянные в 1937 г. по делу маршала М. Тухачевского), стали наиболее заметны в эпоху Л. Брежнева⁸, когда любой городок не обходился без поиска и выдвижения собственного «местного героя» – коммуниста или комсомольца, но идеологическое обоснование для «изобретения этой традиции» складывалось именно в сталинский период.

Тем временем историки, вместе с другими местными интеллектуалами, были призваны обосновать и убедительно доказать неизбежность исторических законов марксизма. Но до войны начатая и с началом второй советской оккупации в 1945 г. возобновленная программа переписывания истории Литвы в русле советского «великого нарратива» столкнулась и с немалыми трудностями. Дело в том, что, в контексте радикальных изменений «политики прошлого» тогдашних 16 союзных республик, Литва была в своем роде особенным случаем. В отличие от других она имела даже два источника суверенитета: 1) средневековое государство Великое княжество Литовское (ВКЛ) – по типу строения – многокультурная империя, по форме

⁷ Характерно, что в постсоветское время в попытках новой легитимации бывших представителей советской номенклатуры ставится акцент на якобы тогда самостоятельной роли литовских коммунистов, исполнявших скорее роль «буфера» между внешней чужой силой и местным населением; чем марионеток центра – коллаборантов. Эту мысль в заголовке своих мемуаров наиболее четко выразил бывший первый секретарь компартии Литвы Альгирдас Бразаускас, в 1993 г. избранный первым президентом Независимой Литвы: «И тогда работали ради Литвы» (Brazauskas A. Ir tuomet dirbome Lietuvai: faktai, atsiminimai, komentarai. Vilnius, 2007).

⁸ Например, лишь в Вильнюсе за период 1944–1990 гг. было воздвигнуто около 20 мемориальных памятников, бюстов или скульптурных групп, посвященных лицам и событиям, напрямую или символически связанным с советским режимом и «великим идеологическим нарративом» (памятники и мемориальные доски В. Ленину, Ф. Дзержинскому, который в молодости жил в Вильнюсе), «местной социалистической традицией» (В. Мицквичюсу-Капсукасу и другим создателям Литбела), первой советской оккупации (литовским писателям, которые из Москвы в 1940 г. привезли «сталинское солнце» П. Цвирке, С. Нерис, Л. Гире) и, особенно, «освобождению Литвы и ее столицы от фашистских захватчиков» (генералу И. Черняховскому, другим советским полководцам и солдатам Красной армии). Но в основном идеологический ландшафт города складывался скорее в хрущевско-брежневское время и, в отличие от Киева, и особенно Минска, остался довольно скромным и фрагментарным. См. сравнительный анализ этих городов: Ластовский А., Балочкайте Р., Казакевич А. Память о Второй мировой войне в городском ландшафте Восточной Европы. URL: http://www.geschichtswerkstatt-europa.org/media/projekte/total%20report_rus.pdf

правления – аристократическая республика; 2) межвоенное унитарное национальное государство, до переворота 1926 г. – демократическая республика, после *coup d'état* – управляемая авторитарным режимом президента А. Сметоны. Как известно, остальные союзные республики, наверное за исключением самой РСФСР, имели либо средневековую (Киевская Русь, Грузия, Армения, среднеазиатские государства), либо модерную, как Латвия и Эстония, суверенность. Таким образом, идентичность Литвы в межвоенное время (как, кстати, и сейчас), строилась на двух фундаментах государственной традиции, на что указывают и слова *Акта о провозглашении независимости* от 16 февраля 1918 г., гласящие «о *воссоздании* литовского государства», как и межвоенная / нынешняя государственная символика – средневековый герб *Витис* или, как его называют сограждане ВКЛ белорусы – *Погоня*, и в 1918 г. принятый республиканский триколор.

Надо сказать, что в межвоенный период литовским историкам удалось создать самостоятельное сообщество (около 60 человек, более или менее профессионально занятых исследованиями, свыше 20 в Литве и в Западной Европе защищенных диссертаций⁹) и достичь достаточного уровня профессионализма в своих академических исследованиях. Синтез «История Литвы» под редакцией Адольфаса Шапоки, вышедший в свет в 1936 г., стал своеобразной вершиной трудов этого сообщества и основой национального исторического нарратива. Его соавторам удалось «найти литовцев в истории Литвы» (программный лозунг, выдвинутый Шапокой еще в 1932 г., собственно обосновавший этнолингвистическую перспективу интерпретации прошлого страны). Поэтому решение опровергнуть уже сложившееся, научно обоснованное и при помощи системы массового просвещения и государственной пропаганды распространенное видение национальной истории, оперируя идеологическими постулатами импортной «сталинской науки» о смене социоэкономических формаций в связи с «переинтерпретацией» политической истории (отрицание либо уменьшение роли Литвы как исторического субъекта) стало довольно болезненной и трудной задачей как для оставшихся профессиональных литовских историков (больше чем половина всего их сообщества эмигрировала на Запад еще во время войны), так и для самих идеологических надсмотрщиков «правильного направления развития» исторической науки ЛитССР.

Если в межвоенное время профессиональные историки воспринимали себя как «пахарей исторического поля», за основную методоло-

⁹ Valdas Selenis. Lietuvos istorikų bendrija 1918–1944 m.: kolektyvinės biografijos tyrimas [Сообщество историков Литвы в 1918–1944 гг.: исследование коллективной биографии]. Vilnius: VPU, 2007.

гию принимая историзм ранкианского типа, то советские историки вынуждены были, прежде всего, стать «бойцами идеологического фронта», сражающимися за дело партии и советского государства, что неизбежно превратило историческую науку в придаток политики и в средство создания нового политического и общественного порядка. Вышеупомянутая сложность и многогранность истории Литвы и ее государственной традиции стала настоящей головоломкой для тех, кто должен был бы дать указания историкам, как «идеологически правильно» понимать и оценивать события прошлого. Для этого был создан многослойный аппарат контроля и цензуры, от лично первого секретаря Компартии ЛитССР А. Снечкуса¹⁰ до руководств Института истории партии и Института истории Литвы, кафедр истории в вузах и т. д.

Некоторые историки, включая даже убежденных коммунистов – бывших подпольщиков, которые не сумели «должным образом» переориентироваться и не научились играть по новым правилам, подверглись репрессиям, публичному унижению (как это случилось с Бронюсом Дундулисом, в 1940 г. защитившимся в Парижской Сорбонне, западный диплом которого не признали и заставили переписать диссертацию о походе Наполеона на марксистско-ленинский лад), лишились возможности продолжить научную деятельность (такая участь постигла известного историка Стасиса Матулайтиса), либо сами отстранились от науки. Все остальные столкнулись с очень ощутимым давлением и ограничениями академических свобод, в результате чего перешли к поискам частных стратегий выживания при тоталитарном режиме, иногда спасаясь попытками «внутренней эмиграции» в идеологически менее значимые темы и исторические периоды¹¹.

Вся советская интерпретация мирового прошлого, как известно, делилась на события «до» и «после» 1917 г., львиную долю внимания уделяя именно послереволюционному периоду. Например, в Литве за период 1948–1972 гг. были защищены 146 кандидатских

¹⁰ Например, в 1951 г., после решений VI Съезда ЦК Компартии Литвы об усилении исследований культурного наследия литовского народа, А. Снечкус написал секретарю ЦК ВКП(б) Г. Маленкову письмо с просьбой о финансовой и кадровой поддержке в улучшении положения в исторических исследованиях и в переводах трудов В. Ленина и И. Сталина на литовский язык (LKP(b) pirmojo sekretoriaus A. Sniečkaus raštas VKP(b) CK sekretoriui G. Malenkovui dėl lietuvių tautos istorinių tyrimų sovietizavimo, 1951 m. liepos 13 d. Lietuvos kultūra sovietinės ideologijos nelaisvėje 1940–1990. Dokumentų rinkinys [Литовская культура в плену советской идеологии, 1940–1990 гг.: Сб. документов]. Vilnius, LGGRTC, 2005. P. 158–160).

¹¹ Подробнее об этом писал Ауримас Шведас: Švedas A. In the Captivity of the Matrix. Soviet Lithuanian Historiography 1944–1985. Amsterdam; N. Y., Rodopi, 2014.

диссертаций по истории, из которых 111 были посвящены периоду «строения социализма в республике» (такие данные приводит исследовавший советскую литовскую историографию Ауримас Шведас). Требовалось историю республики показать через призму смены социоэкономических формаций, в которых якобы постоянно обостряется классовая борьба, а политический аспект, напрямую связанный с вопросами государственности, затушевывался. В новой интерпретации прошлого Литву в основном считали несамостоятельным объектом истории, все время раздираемым между Западом и Востоком, неспособным решать свою судьбу. Характерная черта интерпретации литовской истории сталинского периода – активный поиск и акцентирование тех исторических процессов и событий, которые стали бы якобы свидетельством «вечной дружбы» русского и литовского народов, первому в этих отношениях отводя лидирующую роль¹². Складывалось парадоксальное положение, когда даже царский период и в «Северо-Западном крае» проводимые репрессии против местного населения интерпретировались в позитивном ключе.

Присущий сталинской исторической конъюнктуре москвоцентризм настоятельно требовал от историков показать, что «свет и прогресс» на эти земли приходит исключительно с Востока, но этому «благу» все время мешала ориентированная на Запад (прежде всего, на Польшу) литовская политическая элита – князья и знать. Постулат о «вечной дружбе русского и литовского народов», который выковал и обосновал главный идеологический надзиратель литовских историков проф. Ю. Жюгжда, долголетний директор Института истории Литвы (1948–1970), принуждал их находить фактические подтверждения этому тезису, хотя ВКЛ была скорее геополитическим и идеологическим конкурентом и противником Москвы, что всегда чувствовали обе стороны. Поэтому идеологически непредвзятые исследования средневековой истории стали невозможными. К историкам-медиевистам идеологи и цензоры относились с особым вниманием и с априорным подозрением, боясь в их трудах усмотреть проявления завуалированного «национализма» или нежелательной «романтизации прошлого». Но этих угроз, конечно, не могли избежать и исследователи других исторических периодов, особенно – по понятным причинам – межвоенного, поэтому 23 года независимости, еще живые в коллективной памяти, либо откровенно демонизировались, либо игнорировались в исторической литературе и публици-

¹² Подробнее: Laurinavičius Č. The Role of History in the Relationship between Lithuania and Russia // Lithuanian Annual Strategic Review 2005. Vilnius, 2006. P. 109–127.

стике, довольствуясь повторением утвердившихся идеологических стереотипов.

Но если историки, как уже упоминалось, довольно быстро научились играть по новым правилам и не переходить за «красные линии» дозволенного, то угроза обвинений в «идеализации феодального периода», вследствие специфики работы, стала постоянно висеть над головами специалистов в это время как раз создаваемой системы охраны культурного наследия, особенно в отношении начатых работ реставрации средневековых замков и дворцов¹³. Правда, самый известный и громкий скандал с «выявлением национализма» в сфере охраны культурного наследия в Литве вспыхнул уже после смерти И. Сталина, когда (вследствие начавшейся хрущевской кампании «борьбы с архитектурными излишествами») в 1960 г. в реставрации Тракайского замка узрели не только мнимое «преклонение перед феодальным прошлым», но и «необоснованное растрачивание госсредств»¹⁴, из-за чего были уволены несколько руководящих кадров охраны культурного наследия, а финансовые вложения в реставрационные работы республики были значительно сокращены на целое десятилетие, примерно до 1972 г.

Несмотря на вышеприведенные примеры, в зависимости от политической конъюнктуры, из дальнего прошлого «мятежной республики» иногда могли быть востребованы сюжеты, персоналии и объекты, иллюстрирующие якобы «антизападный характер» политики ВКЛ, как, например, победоносная битва с немецким Орденом Крестоносцев объединенного войска Польского королевства и ВКЛ под Грюнвальдом / Жальгирисом, состоявшаяся в 1410 г.¹⁵ Память об этом ре-

¹³ Надо отметить, что межвоенная Литовская республика довольно мало внимания уделяла этой области, поэтому после постановления Совета министров СССР от 14 октября 1948 г. «О мерах улучшения охраны памятников культуры», когда началось создание республиканских организаций исследования и охраны культурного наследия, в ЛитССР в 1950 г. тоже были созданы Специальные научно-реставрационные промышленные мастерские (СНРПМ). СНРПМ свою деятельность начали с исследования, консервации и реставрации архитектурно наиболее ценных католических костелов и замков, которые пострадали во время войны, а уже в 1956–1958 гг. подготовили проект реконструкции Вилнюсского старого города, – один из первых проектов такого рода и масштаба в СССР.

¹⁴ Скандал в основном был вызван статьей Н. Коновалова и Ю. Пономаренко, опубликованной в московских «Известиях», в которой предъявлялись вышеупомянутые упреки, чуть не стоившие поста самому первому секретарю компартии Литвы А. Снечкусу, затем успешно оправдавшемуся перед Москвой. См.: Коновалов Н., Пономаренко Ю. Время ли восстанавливать замки? // Известия. 1960. № 300. С. 4.

¹⁵ См. подробнее: Petrauskas R. Grunwaldu zycie pósmiertne od XV do XX w. w historiografii i tradycji litewskiej, białoruskiej i sowieckiej // Wojna, pamięć, tożsamość. O bitwach i mitach bitewnych, pod red. Jana M. Piskorskiego, Warszawa, 2012. S. 147–164.

гионально значимом историческом событии стала вновь актуальной во время войны. Новая его интерпретация, в особенности подчеркивающая роль трех смоленских полков, т. е. *российского* участия (при этом удобно забывалось, что Смоленск в те времена принадлежал ВКЛ, а не Московскому государству), в свете тогдашних актуальностей позволила провести ценностные параллели между битвами с немцами в средневековье и во время Второй мировой войны. В 1942 г. в Москве даже была издана книжка Людаса Гиры «Литва Грюнвальда», на обложке которой напрямую противопоставляются средневековое и нынешнее противостояние с германцами¹⁶. Внимание к древним временам считалось не таким идеологически подозрительным и нежеланным, если этнографы либо энтузиасты древности проявляли интерес к исследованию язычества, которое, в отличие от католичества, воспринималось как менее опасное. Значимо и то, что интересы межвоенных и советских историков своеобразно совпадали и в антипольской ориентации. Все-таки помимо того, что исследования «эпохи феодализма» всячески ограничивались по тематике и свободе оценки, были и другие ограничения – история, культура и искусство ВКЛ оставались поделены по республикам, на территории которых они когда-то существовали, и не могли исследоваться интегрально, объединив усилия литовских, белорусских, украинских, русских и польских ученых, что стало возможным лишь после распада СССР¹⁷.

Для исследователей генезиса и развития капитализма в Литве тоже существовали серьезные ограничения. Процессы социально-экономического развития тут не могли быть более ранними или «прогрессивными» чем в России, хотя географически и цивилизационно именно так и было. Так что, избегая идеологически опасных тем и периодов, историки часто концентрировали внимание на поиске истоков местной социалистической традиции, на истории ЛКП(б) и пр., что в итоге отразилось на уровне их профессионализма.

Надо заметить, что в итоге такого идеологического прессинга оказалось довольно парадоксальное положение. Если не жесткие идеологические рамки, то историки – профессионалы высокой квалификации – могли бы вписать события и процессы литовского прошлого в тогдашнюю идеологическую схему социально-экономических формаций намного убедительней и детально, чем это было сделано по принуж-

¹⁶ Petrauskas R. Žalgirio mūšis ir istorinė tradicija [Битва под Жальгирис и историческая традиция] // Naujasis židinys, 2010, nr. 7/8. P. 224–229.

¹⁷ Например, недавно изданный «Путеводитель по Великому Княжеству Литовскому», описывает объекты, находящиеся на территории шести нынешних независимых государств – Литвы, Белоруссии, Украины, Польши, Латвии и России: Vadovas po Lietuvos Didžiąją Kunigaikštystę (sud. A. Paliušytė, I. Vaišvilaitė). Vilnius, LKTI, 2012.

дению, на что указывают и позднее, в контексте десталинизации, последовавшие попытки творчески интерпретировать и применять достижения марксистской мысли в трудах известных историков Ю. Юргиниса или Э. Гудавичуса.

Все вышеуказанные трудности приспособления истории Литвы к жестким идеологическим рамкам, которые, как известно, не были стабильны, а могли незначительно меняться в зависимости от политической конъюнктуры, привели к тому, что первая *История Литвы* «в сталинском стиле» под редакцией упомянутого Ю. Жюгжды вышла в свет лишь в 1957 г., т. е. уже после смерти И. Сталина, потому что ее пришлось переписывать неизвестное число раз (всего в итоге вышли 4 тома этого масштабного творения, последний – в 1975 г.). Но, несмотря на радикальное переписывание прошлого страны в московцентристской парадигме, что имело мало общего с исторической истиной, все-таки и в этом синтезе не удалось убедительно втиснуть литовскую историю в модель социально-экономических формаций.

Выводы

Обобщая, можно выделить несколько основных «идеологических грехов», в которых обвинялись, либо с которыми рисковали столкнуться профессиональные историки:

1) «*коленипоклонство перед Западом*» (в нашем случае – и перед диаспорой. Имеется в виду нежелание очернять Запад, искажая истинное положение вещей, как и неохота восхвалять Москву и советский строй. Хотя эта идеологически-методологическая «ошибка» историкам инкриминировалась не так часто, по сравнению с другими гуманитариями);

2) «*буржуазный объективизм*» (пресечение попыток уходить в узкие темы и сюжеты, избегая идеологического ангажирования – т. е. «внутренняя эмиграция»);

3) «*возвышение, идеализация феодального прошлого*» (это отражалось не только в попытках объективно оценить ВКЛ, но и, особенно, в системе отбора и охраны объектов культурного наследия);

4) «*единое течение*» (опираясь на ленинское учение о «двух культурах», пресекались любые попытки позитивно оценить вклад «буржуазных» деятелей в создание национальной культуры, избегая классового и идеологического их осуждения (особенно это касалось деятелей национального возрождения конца XIX – начала XX в. – «отцов основателей» современной литовской государственности и культуры). Сам концепт «нации» всячески устранился и заменялся политически менее опасной «народностью»);

5) *национализм* (крайняя форма идеологического осуждения, хотя само внутреннее содержание этого понятия могло оставаться неясным и размытым и быть применимым инструментально, по обстоятельствам).

В узком кругу идеологически дозволенного вынуждены были уместаться не только советские историки, но и сами их «наставники» и «контролеры». Это создавало угнетающую атмосферу, от которой пришлось освобождаться много лет после начала десталинизации (даже последняя «История советской Литвы», первый и единственный том, которой был опубликован в 1985 г., еще была полна идеологических схем и клише, выкованных в эпоху сталинизма. В ней тоже акцент ставился на настоящем и будущем, а прошлое в основном должно служить лишь как средство легитимации советской власти в Литве. Таким образом, за весь советский период «правильной» интерпретации истории отводилось повышенное идеологическое внимание, а в сталинское время сложившиеся рамки официального советского нарратива, в котором беспристрастным и объективным исследованиям национальной истории отводилась лишь незначительная доля, как и сами «правила игры исторического сообщества» остались неизменными до самого распада СССР.